

Му Синчэнь вспомнил о затонувшем корабле, который они обсуждали раньше:

— А тот огромный корабль, который увидели Рыбка и Шуйшуй?.. Что это было?

Линь Ханьчжи взглянул на него. В отличие от двух других младших, с Му Синчэнем он говорил заметно мягче:

— Карантинное судно. До этой связи мы додумались благодаря подсказкам в комментариях.

Встретившись с ещё более ясным и недоумевающим взглядом Му Синчэня, Линь Ханьчжи терпеливо пояснил:

— Шуйшуй говорила, что входы в каюты были намертво заколочены досками, а лица большинства скелетов внутри закрывали полосы ткани. Всё это соответствует тем экстренным противоэпидемическим мерам, на которые были способны древние. Заболевших помещали в старое судно, оставляли в каютах мало воды и пищи или вообще ничего, наглухо заколачивали люки, а затем пускали корабль по ветру в открытое море, чтобы изолировать источник заразы.

— Впрочем, сама идея отправить всё дурное подальше по морю могла появиться у деревенских под воздействием «воплощения Хай-гуна»... Ведь море огромное и терпеливое, оно уносит всё. А массовое появление человеколиких улиток, скорее всего, началось именно после того, как им достались останки и плоть тех сотен, а то и тысяч людей. Хай-гун тоже получил огромную подпитку от стольких смертей. После этого он перестал нападать совершенно без разбора, начал выбирать души с крайне иньской конституцией — так сказать, повышать качество рациона, чтобы разрушить печать...

□Хорошо-хорошо, несколько сотен лет истории этого участка моря Миньди наконец разложили по полочкам□

□Господи, «качество рациона»...□

□То есть деревенские думали, что избавляются от Хай-гуна, а на деле спасали его?□

□И это тоже можно считать применением способности Хай-гуна путать восприятие, эх□

□А свеча из человеческой крови тогда зачем? Хай-гуну настолько нечем заняться? Реально сидит дома и от скуки делает свечи ручной работы?□

□Чёрт, представила осьминога с восемью щупальцами, который лепит свечи. Очень жутко□

□Так... злой дух — маньяк-художник?□

Пока Линь Ханьчжи помогал объяснять происходящее, Ци Гу следил за комментариями и теперь сам ответил:

— Это не обычная свеча из человеческой крови. В неё подмешано кое-что ещё, иначе она не выдерживала бы горение так долго.

Он указал на оставшуюся одинокую красную свечу.

Прошло уже немало времени, но она будто почти не уменьшилась и всё ещё оставалась прежней длины. Даже только что случившаяся ожесточённая драка не заставила пламя колебаться или тускнеть — оно по-прежнему ровно освещало небольшой участок жертвенного стола и алтаря.

Появление четырёхлапок, по сути, тоже было связано с тем, что Линь Ханьчжи уничтожил одну свечу...

Похоже, для Хай-гуна она имела особое значение. Такое же, как стены, которые он упорно заставлял человеколиких улиток ремонтировать, хотя сам, казалось бы, мог покинуть храм.

Если на минуту перестать смотреть на Хай-гуна как на призрака и представить его человеком, который в одиночку живёт на этом острове, его поведение становилось вполне понятным.

И свечи, и стены служили защитой.

Свеча из человеческой крови приравнивалась к подношению благовоний: пока она не гасла, Хай-гун оставался «божеством, принимающим поклонение», а не злым духом.

Пока стены не рухнули, он всё ещё был Хай-гуном на алтаре собственного храма.

С помощью этих внешних признаков он скрывал саму природу своего существования.

Но что должно было встретиться злему духу уровня S, чтобы тот начал защищать себя подобным образом?

Сведений было слишком мало, и Ци Гу не мог строить дальнейшие выводы.

Впрочем, сейчас ему уже не имело особого значения, останется Хай-гун в храме или выйдет наружу.

Ци Гу пришёл.

А значит, так или иначе, Хай-гуну сегодня предстояло отправиться в последний путь.

Кроме того, относительно истинного тела, которое всё это время пряталось за кулисами, у Ци Гу уже появилась догадка.

По его опыту, если призрак выглядит достаточно устрашающе и обладает достаточной силой, чтобы «выйти на сцену», он не станет от начала до конца скрываться в тени.

Разве что его настоящее тело по какой-то причине неудобно показывать.

А если вспомнить тех бесчисленных четырёхлапок...

□Вспомнила тех братьев с корабля-призрака. Если бы историю не исказили, они ведь должны были приходить поклоняться Храму семерых героев, да? Тогда не было бы кораблекрушения, и они не превратились бы в корабль-призрак...□

□Хай-гун натворил вообще всё плохое: заставил людей поклоняться себе, устраивал кораблекрушения, ещё и специально кормил человеколиких улиток, выведя новую агрессивную разновидность. Серьёзно разрушил морскую экосистему Миньди!□

□Отлично, у нас появился морской биолог, мы спасены!□

□Для тех, кто всё ещё чешет голову: короче, Хай-гун плохой и устраивал беды. Дети и даос хорошие, ценой жизни остановили его. Но даже запечатанный Хай-гун не уговорился, подчинил «младшего духа» и продолжил пакостить. Потом присвоил Храм семерых героев, превратил его в собственный храм, заставил рыбаков поклоняться себе, из-за чего случилась куча трагедий, а по дороге ещё собирал полезные ему SSR — души с крайне иньской конституцией□

□Спасибо старосте класса□

□Так где сейчас сам Хай-гун? В храме столько шумели, а он всё не выходит. Терпеливый какой□

Ци Гу опустил взгляд на неровные следы песка и земли на полу — их оставили четырёхлапки.

Место, откуда они пришли, должно было вести к Хай-гуну.

Линь Ханьчжи заметил его взгляд, переломил светящуюся палочку и пошёл к тёмному углу, из которого прежде выползали четырёхлапки. Ци Гу последовал за ним.

Главный зал был небольшим. Меньше чем за минуту они дошли до самого конца.

У основания стены песок и земля были разбросаны, открывая щель толщиной примерно с палец.

Четырехлапки выползали именно отсюда.

Ци Гу потряс тыквенный сосуд и вытряхнул одну четырехлапку, которую укачало внутри. Пока та лежала на полу оглушённая, он велел Му Синчэню привязать к ней верёвку, а затем спросил Мяо Юэ:

— Есть гу, который запоминает дорогу?

Мяо Юэ показала жест «без проблем» и достала из рукояти меча маленького, размером с ноготь, чёрного жука с пёстрыми переливами. Она посадила его на пол.

Через некоторое время оглушённая четырехлапка пришла в себя. Когти осторожно поскребли пол. Убедившись, что никто не мешает, создание прямо на глазах у всех с совершенно отсутствующим интеллектом нырнуло в щель.

Если бы Хай-гун это видел, наверняка выругался бы: «Вот же бестолочь!»

Жук пополз следом.

Послышалось тихое шуршание. Спустя некоторое время Ци Гу почувствовал, как верёвка в его руке натянулась до конца. Опасаясь, что длины не хватит, он достал из рюкзака Линь Ханьчжи ещё одну и привязал к первой.

Верёвка снова медленно поползла внутрь.

Наконец движение полностью прекратилось.

Теперь оставалось дожидаться, когда жук-проводник Мяо Юэ вернётся. Тогда можно будет переходить к следующему этапу.

Поскольку ждать предстояло около пятнадцати минут, пятеро прямо на месте устроили перекус.

Линь Ханьчжи крайне «в тему» достал из рюкзака бескостные маринованные куриные лапки и раздал всем.

Ци Гу без колебаний принял свою порцию.

Мяо Юэ и Пубу Гэсан на секунду застыли, но тоже взяли.

Му Синчэнь выдавил улыбку:

— ...Брат Линь, ты и правда мастер подбирать порядок закусок, ха-ха.

После человеколиких улиток — «кошачьи ушки».

После четырёхлапок — бескостные куриные лапки.

Кто тут не напишет ему заслуженное «6».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949217>